

Всё исполнится, станет былью —

Нужно просто закрыть глаза.

Видишь лестницу в Небеса?

Значит скоро вырастут крылья.

Раннее утро. Лучи солнца только-только стали выглядывать из-за горизонта, прорывая серую хмарь. Было прохладно, свежо и хорошо. А все вокруг наполнилось звуками насыщенной жизни. Пели птицы, стрекотали насекомые, легкий ветерок шевелил траву и листву, создавая приятный фон. Нежные лучи утреннего солнца гладили меня лицу, словно ласковые пальчики Натальи. При воспоминании о ней это утро словно заиграло новыми красками. Наталья сразу согласилась жить со мной в гражданском браке. Но... Я предупредил её, если она сможет жить с таким сложным человеком, как я, то мы сразу идём в ЗАГС. Когда? — Завтра! Наталья долго смеялась! Затем нежно поцеловала меня — она согласна в ЗАГС и сегодня. Мы долго хохотали! Затем, став серьёзной, Наталья выдала:

— Жека, я так счастлива! А во внутреннем ощущении этого счастья в себе... И еще, когда умеешь быть счастливой одна, сама по себе, то и можно подумать о том, чтобы продолжить быть счастливой рядом еще с кем-то. А то, что получается — расстался с этим человеком, как Маша с Толиком и мир рухнул? Человек рядом не должен быть подпоркой на случай обвала, он должен быть приятным плечом рядом, к которому можно прижаться и погреться... Ты мой первый мужчина и я хочу быть всегда рядом с тобой, чувствовать твоё стальное плечо, Жека... И выйти за тебя... Раз ты хочешь...

Ну что, мы идём в наш универ. По дороге я прочёл Наталье стихи:

Умыл небо ночью дождик:

В нём яркие звёздные брызги

Разбрызгал Ночной Художник

На холст колонковой кистью...

Он, краски мешая с ночью,

Рождение пишет Апреля,

Заглядывая в мои очи...

Мы с ним создаём творенье.

Уже перед самым утром,

Добавив таинственной сини,

И не пожалев перламутра,

Мы красок с ним вместе кинем...

— Евгений, а мне никто никогда стихов не читал и не сочинял... Дай я тебя поцелую...

Вспомнил утром важное и пару часов отлично поработал. Наталья умничка — не мешала, чтобы не сбить меня с мысли, только приносила чай и бутерброды. Готово! Листы в папку и идем в лабораторию — наша куратор просит сделать полную уборку. У самой двери слышу грохот и крик. Мы с Натальей влетаем — и я вспомнил!

— Парни, что стоим, глаза вырुпив, быстро Свету на стол. На правый бок! И нашу медсестру позвать. Живо! Бегом! — трое парней с топотом вылетели в дверь. Так, посмотрим...

Хреновые дела, честно говоря — два осколка стекла в бедре, кровь всю сочится.

— Ира, срочно позвони в «Скорую»! Наталья, сходи за нашим плотником, тут ему есть работа. И по ушам тоже — раму так прибил, что выпала...

Я выдернул два небольших кусочка стекла, похожих по форме на ножи, задрал платье и содрал с девушки трусики. Девчонки громко ахнули, да я так зыркнул на них бешеными глазами, что обе сразу и заткнулись. Так, прижал трусиками рану, затем отпустил и положил ладони на ранки. Оп-па! — а сработало! Кровь перестала фонтанировать и ранки стали затягиваться. Работает! Отлично! Правда сразу слабость у меня такая, но я постарался её превазможь... Девчонки опять ахнули:

— Жека, ты настоящий экстрасенс! У неё кровь перестала бежать... Женечка, Света не умрёт? — и давай тихо плакать.

Медсестра влетела бледная, руки трясются, а я сразу рявкнул:

— Проверь давление! — Падает... — Камфару, два кубика! Сделала? Промедол. Куда, в ягодицу! Да дай шприц! — трусит нашу полненькую медсестру не по-детски. Укол, потом давление — норма!

— Парни, на руки её мне! — подскочили, у них тоже руки трясются, но нормально подали. Побежали впереди, двери мне открывают — понёс Свету на улицу. По пути сплошные аханья — Света бледная, без сознания от болевого шока, нога в крови... Да всё нормально будет! Сдав Свету врачихе на «Скорой», я успокоился — в отличие от прошлого, она будет жить. Пошёл домой, по пути все от меня шарахались — руки в крови, на рубашке пятно крови, на щеке кровь. Наташу отправил домой и пошёл сам к нашим. Зашёл, напряжённый, как струна, умылся в ванной и сразу папку позвал на кухню. Чтобы успокоиться, сразу «наехал» на папку: — Папа, о чём мечтаем? Вот тебе эскизы станка лазерной резки. Зачем? Резать броневые плиты на танки. Разрез в отличие от газовой резки будет ровный и чёткий. Причём намного быстрее, чем бензорез! Второе — это для больниц. Сколько времени делают ампутаций и как? А вот смотри — тут один миг и всё. Главврач в Минске был доволен. Вот и прекрасно! Работаем, не мечтаем!

Сидят мои дамы рядом и очень тихо, как мышки под веником. И особенно тяжело мамочке — привыкла она вставлять свои «пять копеек» везде, а тут ей лучше молчать. У папки уже глаза огнём горят, ясно — есть задача, будет работать до ночи и завтра всю свою лабораторию на уши поставит. А я вышел во двор — хочу чуть развеяться. Наталья! Сидит на скамейке у подъезда. Пошли, моя ненаглядная, чуть погуляем...

Подошли к нашему дубу. Мне всегда нравилось смотреть на деревья. Их неповторимая загадочная листва всем своим видом всегда давала мне то, что не могли дать люди. Она умела со мной разговаривать на языке, который был только мне понятен. Она никогда не навязывала свои тихие разговоры и не надоедала. Листва деревьев не любила спорить, зато любила внимательно и терпеливо слушать. Она загадочным образом понимала меня и даже никогда не осуждала. Когда я был уставший и злой, зелёная листва всегда умела легко успокоить и расслабить. Нужно только прислониться к дубу и погладить листву. От неё можно было не ожидать коварства и подлости. Она умела дружить так, как этого не умеют люди. Наталья так загадочно молчала, стоя у дуба и приобняв меня — она всё поняла.

— Женчик, я так счастлива рядом с тобой... Мне так хорошо... И ты точно спас Свету! Если бы не ты, все стояли бы в шоке, а она истекла бы кровью... Ну как ты рявкнул! Я даже ахнула и подскочила, а как парни резво побежали за медсестрой. Если бы не ты... Ты просто гений!

— Наталья, в жизни главное — счастье. А оно у каждого свое. Это категория опять же совсем

внутренняя. Расцвел цветок, который вы посадили — счастье. Собрались за столом друзья детства — счастье. Счастье — когда есть, кого любить. Когда тебя любят. Когда можно заниматься любимым делом. Вон мой папка сейчас счастлив. Хотя он так и не понял, что я спас его! Счастья не нужно ждать — его нужно испытывать. Вот как у нас с тобой... Пошли домой, а то скоро совсем стемнеет...

Солнце уже клонилось к земле, подкрашивая горизонт алым. В синем небе там и сям висели облака. Крутобокие, тугие, ослепительно белые на востоке и розовые на западе. Недавний дождь прибил всю пыль, освежил воздух, и идти было легко и приятно. Легкий ветер шумел листвою, нагоняя прохладу и остужая натруженную за день голову. Запах цветущий сирени, разлившийся по всему городу, одурял. Нагоняемый ветерком от зеленых зарослей у стоянки, он проникал повсюду, напитывая собой воздух. Почему-то этот запах напоминал детство: школу, последний звонок, ожидание скорых каникул.

А Наталье по дороге я вновь прочёл стихи. Она не совсем поняла, а эти стихи я хочу отправить Рите. Как «последнее прости»...

В твоих глазах уж не сияют звезды,
И на щеках пропал амурный цвет зари,
Ах, как недавно вились любви гнёзда,
На каждой веточке, куда ни посмотри!
Но все проходит, пропадает в бездне
И канут в лета даже небеса,
Не говори и не смотри любезно,
Нет, не бывают нынче чудеса!
Не поплывет под нашими ногами,
Ни даже просто грязь, ни шар земной,
Нет, мы расстанемся с тобой друзьями,
Спасибо, что была чуть-чуть со мной...

Неплохо пишет Иосиф Бродский. Чего его Хрущёв так ненавидел. Собственно он так ко всем евреям. И чего? Ведь послать скрипачей работать грузчиками... Каждый на своём месте. Ведь Хрущёв несколько раз поднимал вопрос — избавиться от евреев в науке. И что? Эта нация всю жизнь была учителями в школах, преподавателями в универах, учёными, селекционерами, музыкантами... Вот и отлично! Волонтаризм Никиты! Выслать всех в Израиль! Идиот! Секретоносителей — в Израиль! Его самого бы отправить куда подальше! Именно с него начался распад страны! И развал империи!

— Жека, перестань психовать, — прошелестел голос Евгения Ивановича. Лучше поцелуй свою Наталью... И приласкай её ночью